

ТАТЬЯНА
ЛЕРИМ

РОКОВОЙ Плен

В ОБЪЯТИИ МЕСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Лерим

Роковой плен. В объятии мести

«Автор»

2026

Лерим Т.

Роковой плен. В объятии мести / Т. Лерим — «Автор», 2026

«Ты моя, Виталина. Навсегда». Рустам Герцев забрал меня у семьи, чтобы разрушить жизнь моего отца. Он запер меня в золотой клетке, а я мечтала только об одном – сбежать. Я даже инсценировала собственную смерть, но он нашёл меня. Теперь я его жена, мать его ребёнка и главная мишень для его врагов. Рустам обещает защитить меня, но за этой защитой скрываются опасность, власть и болезненное собственничество. Я – дочь его врага. Он – безжалостный бандит, которого никто не осмеливается любить. Но, возможно, именно я стану той, кто заставит его сердце биться не только ради мести.

© Лерим Т., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Лерим

Роковой плен. В объятии мести

Глава 1. Долг отца

Виталина

– Что происходит? Почему мы едем так быстро? – с осторожностью смотрю сначала на водителя, после, поворачиваюсь назад и пытаюсь в окне уловить опасность.

– За нами хвост, – спокойно, будто между делом, ставит в известность парень, петляя между машинами на дороге.

Мы едем петляем на достаточно оживленной трассе и в какой-то момент, мне уже кажется, что увернуться не удастся. Боюсь, мы врежемся во что-либо, поэтому крепко зажмуриваюсь до боли, лишь бы отвлечься и не думать о столкновении.

Физическая боль немного отвлекает.

– Кто это? Ты знаешь? Узнаешь машину? Номера? – паника дает о себе знать и уже многочасовая, трудная смена в больнице уходит на второй план. Усталость быстро исчезает, голос начинает дрожать, а тело лихорадит.

Да, устала, да, голова раскалывается и гудит. Спать хочется, но все это не важно, когда моей жизни угрожает реальная опасность.

– Нет. Ну у вашего отца много недоброжелателей, поэтому вам лучше знать, кто это может быть.

Начинаю судорожно думать, ну ничего не идет в голову.

У моего отца бизнес, и по идее это может быть кто угодно из его окружения или конкурентов.

Сглатываю и пытаюсь довериться водителю, который пытается скинуть «хвост», но пока тот сидит крепко, даже не думая сдаваться.

В какой-то момент перед нами выкатывается пустой прицеп без кабины, и я кричу, падая под сиденье и вжимаясь в позу эмбриона.

Если будет столкновение, то нас ничто не спасет.

Водитель выбирает жизнь и нажимает на тормоз.

От резкого скольжения шин по асфальту колеса свистят, визг шин давит на виски в голове. Я ударяюсь о панель, и меня тут же отбрасывает назад.

Кричу от боли, кусаю губу. Держусь из последних сил. А после я вижу перед собой силуэт огромного бандита.

«Шкаф» стоит передо мной и скалится. Поднимаюсь, когда понимаю, что деваться некуда и сажусь на край сидения.

Он протягивает мне руку, я мечусь от неопределенности.

Я не должна...

В этот момент открывается дверь и моего водителя просто вытаскивают за воротник. Один удар и кровь брызгает по асфальту, куда в итоге он и падает.

Я ладонью зажимаю рот и выхожу сама из салона, пока меня не додумались вытолкнуть таким же способом.

Дрожь бьет по телу. Грудную клетку сдавливает изнутри, становится трудно дышать в прямом смысле этого слова. Тянусь за ингалятором, но бугай расценивает этот жест по-своему. Пытаюсь объяснить свое движение, но задыхаюсь.

Кислорода катастрофически мало.

– Ингалятор. Мне. Не. Хватает. Воздуха, – произношу через адскую боль.

– Доставай, – напрягаясь дает свое согласие, и я медленно опускаю руку в карман пиджака.

– Нужно было сразу остановиться, пацан, – за моим внедорожником остолопы отходят от водителя и слезы брызжут из глаз. Его так разукрасили, что на лице нет живого места.

– Кто вы? Что вам нужно? – восстанавливая дыхание, спрашиваю, понимая, что не сбежать.

Похоже ему нравится тот эффект, что он произвел на меня со своими людьми, так как его бровь удивленно ползет вверх, а губы расплываются в еле уловимой улыбке.

– Поехали. Тебя сказали привести невредимой.

Я в ужасе, но его явно это мало волнует.

Бандит дает распоряжение посадить меня в машину.

Сопrotивляюсь, но силы не равны.

Слишком больно меня сдвливают по рукам и ногам и заталкивают в свой тонированный джип.

На мои крики не пришла помощь и я, не зная даже имени своего похитителя, еду навстречу своей судьбе.

Глава 2. Нелюбимая дочь

Виталина

На мою голову натягивают черную повязку, от чего ощущение страха растет с невероятной скоростью.

Боюсь новой вспышки своего недуга, но похитители сразу в руку суют мой ингалятор, вырывая при этом сумку.

Черт. В нем телефон, с помощью которого я планировала вызвать входящий отца.

– Куда вы меня везете? – продолжаю жалкие попытки узнать хоть что-то, чем только раззадориваю бандита около меня.

– Скоро узнаешь, – салон авто заполняет его смех, а мне становится жутко от этого зловещего голоса.

Стараюсь притихнуть и с помощью посторонних звуков запомнить хоть что-то.

Любая, даже малейшая подсказка, может спасти мою жизнь.

Повязку поправляет чья-то тяжелая и грубая рука и я дергаюсь от неожиданного прикосновения его шершавой кожи, словно наждачка.

– Хватит брыкаться. Будешь хорошей девочкой и больно не будет, – хочет погладить по щеке, но я машинально отдергиваю его лапищу от себя.

Боже, куда же ты вляпалась, Вита?

И что вообще натворил отец, повлекший за собой такие последствия!?

Не знаю, что и думать.

В нашей семье много врагов, не спору, но до похищения доходит впервые.

Никогда не думала, что мою семью будут шантажировать с помощью меня, а то, что это ради какой-то мести, я не сомневаюсь. В голове уже нафантазировала как за меня просят выкуп.

– Если вам нужны деньги, то позвоните папе, – пытаюсь держаться, но выходит жалко, не правдоподобно.

– Если бы нам нужны были деньги, давно бы уже позвонил. Зачем зря пугать такую красавицу, но деньгами не поможешь решению нашей щепетильной проблемы.

– Я не хочу никуда ехать с вами, – голос похож на писк. Ненавижу себя за слабость.

– Уже приехали, красавица. И да, мой совет. Не пиши напрасно при НЕМ.

Дает последний совет бандюган, прежде чем открыть дверь автомобиля.

Меня грубо выталкивают, не обращая внимания, что не поспеваю, да и на ощупь не умею.

Руки, держащие меня за талию противны, хочется их скинуть с себя, но они сдавливают только сильнее. Больно, но я сжимаю зубы, чтобы не издать ни звука и не показать своего страха перед этими бандитами.

– С характером. Ну ничего, и не таких принцесс ломали, – смеется зверь, пока я стараюсь удержать равновесие.

Голова кружится, а из-за закрытых глаз теряется равновесие окончательно.

– Отведи ее куда подальше от посторонних глаз, – просто передает меня кому-то это чудовище, поджигая сигарету.

Запах сразу проникает в легкие, стараюсь не дышать, нельзя таким. Если я начну задыхаться от сигарет, ингалятор может не помочь.

Бегу, еле волоча ноги за кем-то, кто молча тащит меня по траве.

Длинная, давно не стригли газон, замечаю, она щекочет меня сквозь открытые босоножки.

Но потом, мы спускаемся вниз. Подвал? Боже, мне никогда не выбраться из этого подземелья.

Три дня я провела в тусклом помещении, в котором почти нет солнечного света. Одна одинокая лампочка и обшарпанные стены.

Повязку я сняла сразу же, как осталась одна.

Целых три дня неведения и непонимания не давали сидеть спокойно.

Я била кулаками о железную дверь, требуя, прося и умоляя о пощаде. Все было без толку. Ко мне приходил только немой охранник и приносил скудную еду без особых изысков.

Я что, узница в двадцать первом веке?

И ближе к вечеру третьего дня, дверь снова открылась. В мою темницу зашел мужчина лет сорока.

Свет, проникавший за его широкими плечами, заставил резко зажмуриться. Я провела в почти кромешной темноте трое суток и яркость давила на зрачки.

Мне кажется, я ослепла, так как силуэт размазался, я не могла разглядеть, узнать.

Мужчина молча осмотрел меня, прожигая своим взглядом и сев на стул, перевернув спинкой вперед, мазнул еще раз по мне оценивающим взглядом.

– Ну привет, Виталина. Давно мы с тобой не виделись, – его хриловатый тембр прошибает насквозь.

Я сразу узнаю этот голос, снившейся мне в самых жутких кошмарах.

Я впечатываюсь в стену от его глаз, которые запомнила навсегда.

Он так смотрел на меня в тот единственный день нашей встречи и, по сути, косвенного знакомства. После того дня я стала оглядываться и бояться незнакомых улиц. Стала ходить чаще в сопровождении охраны отца и боялась случайно, повторно столкнуться с этим мужчиной.

Рустам Герцев собственной персоной.

Я не знаю, что и ответить, лишь моргаю и пытаюсь протереть глаза, чтобы лучше рассмотреть.

Точно он. Я видела его лишь однажды, когда он приехал к воротам нашего дома и обвинял отца в смерти своей супруги.

Я до сих пор не верю, что папа мог такое совершить, но фамилия Герцевых шепотом всегда произносится в стенах нашего дома.

Я тогда впервые его увидела, выбежав на защиту старика.

Мы с отцом не особо ладили, но кровь во мне забурлила, когда я услышала проклятия, которые Герцев обрушивал на нашу семью своим ледяным, громким голосом, которым пропитывался двор, словно ядом.

И сейчас я снова его слышу. Наяву.

Но тогда, я не понимала какую опасность таит в себе мужчина, стоящий напротив. Он внушал ужас в глазах старика Лазо, моего отца. Веял хаос на нашей земле.

Сердце простукивало удары. Казалось бы, что он может сделать на нашей территории? Как навредить?

Он стоял в окружении всего двух мужчин, а у нас охрана напичкана через каждый метр, но старик все равно дрожал под натиском Герцева, а я, будучи молодой и неопытной, неожиданно для себя осмелела, не хотя мириться с угрозами.

Дух перехватывало перед собственной смелостью. Но отец не одобрил моего порыва и с яростью оттолкнул меня обратно, унизив и сказав, что я дура никчемная, раз вмешалась в чужой разговор.

Тогда я впервые, мельком, заглянула в глаза Герцева и поняла, что эта встреча не последняя. Он выбрал себе жертву для мести.

Тогда, в двадцать два года, будучи слишком смелой и требующей уважения к родственнику, я сама подписала себе этот приговор.

– Здравствуйте, – голос, ожидаемо, дрогнул.

Помню, как он говорил, что вся моя семья будет гореть заживо, а отец будет наблюдать со стороны и медленно от этого умирать.

Кажется, я первая в этом списке.

Рустам скользит по моему телу внимательным и долгим взглядом. Не торопится продолжать.

Сосредоточенно смотрит то на дрожащие губы, то на бегающий взгляд.

Мне действительно страшно.

Герцев – мой личный ад, врата которого сейчас открылись.

– Надеюсь, такой принцессе, не слишком дискомфортно в этих условиях? – с ухмылкой на лице произносит, издеваясь надо мной.

– Отпустите меня, пожалуйста. Я не виновата, наша семья не виновата в смерти вашей супруги, – умоляю, сама не узнавая свой голос со стороны. Я прекрасно помню, в чем нас обвиняли четыре года назад.

Только сейчас мои глаза привыкли к свету, который появился в камере, и я могу разглядеть его.

Все такой же огромный черноволосый мужчина, в обычном почти домашнем костюме.

Его темные, бездонные глаза притягивают как магнит. Я не могу оторвать от него своего взгляда и не потому, что влюбилась, а из-за страха, который он молча вселяет прямо сейчас. Я боюсь ослабить внимание, боюсь, что он прыгнет и проглотит меня, как маленькую птичку, загнанную в свои сети.

– Нет. Я так долго ждал этой встречи, – наслаждаясь каждым словом, Рустам медленно произносит предложение.

Ему нравится со мной играть, как с мышкой, а я не могу назвать его кошкой. Он тигр, лев, из лап которых не вырваться такой маленькой добычи, как я.

Сглатываю и пытаюсь дышать. Сейчас не время для нового приступа.

– Мой отец вас на части порвет, – жалкие попытки запугать проваливаются, когда он начинает жутко смеяться в голос.

Он меня не выпустит. Я чувствую, что если Герцев решил, то я тут навсегда, поэтому смелость проявляется, и тут же покидает меня. Хочется раствориться, исчезнуть. Отчаяние давит на виски. Адское пламя разгорается внутри, медленно убивая надежду на спасение.

– Я даже жду этого, милая моя. Вот только твой отец настолько труслив, что этот день не наступит никогда.

Бандит прав, если мой отец почует угрозу, то палец о палец не ударит по отношению ко мне.

Герцев смотрит на меня внимательно, пока я мечтаю о свободе и боюсь представить, что меня ждет впереди.

Но мои пытки уже начались, я чувствую. Теперь я его пленница, которую он будет пытать не один день.

– Что вы будете со мной делать? – тихо произношу, чтобы никто не услышал. Я знаю, что за дверью есть люди. Его люди, которые меня охраняют и ждут его дальнейших распоряжений.

– Я буду с тобой играть, пока ты дышишь, после отдам твое тело отцу. А пока живи и наслаждайся жизнью.

После он встает и уходит, я, прижав ко рту грязные ладони, молча рыдаю, пряча горькие соленые слезы от посторонних глаз.

Я знаю, что если Герцев действительно привезет мое тело к воротам отца, то тот молча перешагнет и пойдет дальше.

Я знаю, потому что я нелюбимая дочь моего отца, которая будет платить за чужие грехи.

Глава 3. Смена клетки

Виталина

– Поднимите принцессу наверх и отмойте, – кричит он уже вдали и в маленькое помещение заходит тот самый «шкаф», который и привез меня в это ужасное логово зверя.

Отпрыгиваю от него, боюсь до смерти, и только сейчас вспоминаю, что он был среди тех двоих мужчин, по правую руку от Герцева.

– Я сама встану, – борюсь за себя до последнего и привожу в действие свои же слова, пока тот не передумал.

Я помню, как меня тащили в первый день. Кисть руки до сих пор ноет после неестественного скручивания.

Осматриваю себя и ужасаюсь. Только сейчас заметила, что блузка без верхних пуговиц и насквозь промокла моими же слезами, которые я вытирала ею же.

На голове просто гнездо для птиц. Неудивительно, я не расчесывалась все эти дни. Я вообще, забыла, что такое привести себя в порядок и вот, меня ведут в одну из комнат на второй этаж.

Боже, я пока выбиралась из подвала, сбилась с пути несколько раз. Сама бы я точно не выбралась из этих лабиринтов, а когда выхожу на свет, то тут же закрываю непроизвольно глаза.

Яркий свет давит, слезы текут и все плывет, кружится. Паника сдавливают горло, но я продолжаю смотреть куда движется огромный мужчина.

Пытаюсь успеть за его быстрым шагом, иначе он меня сам потащит, оставив еще и синяки в награду.

Эти дни кажутся адом, я до сих пор не могу переварить и осознать ущербность моего положения. Все это безумие.

На втором этаже я захожу в огромную спальню.

Преобладают коричнево-бежевые тона, высокие потолки, паркет и мягкий ковер. Уютно и даже шикарная спальня. Ступать боюсь по такой роскоши, но мужчина взмахом руки приглашает вперед.

– Там ванна.

Указывает на закрытую дверь и выходит.

Сначала я стою и боюсь пошевелиться, но душ мне действительно не помешал бы.

Захожу в ванную, не забыв закрыться на защелку, хотя если кто-то из них решит зайти, такая преграда точно не остановит.

Действую быстро и решительно. У меня мало времени, а после я не нахожу ничего, чтобы использовать взамен своих грязных и потрепанных вещей.

Открываю шкаф. На вешалках висят деловые костюмы, рубашки...

Мужские...

У меня нет выбора, либо снова натягивать пропитанные грязью и собственным страхом лохмотья, либо воспользоваться гостеприимством хозяина дома.

И я выбираю второе, как бы нелепо это ни выглядело со стороны.

Осматриваю комнату и не нахожу ничего, что могло бы помочь мне в защите перед ними.

Ни одного острого предмета.

Смотрю в окно.

Внедорожники и джипы стоят припаркованные на заднем дворе. В доме сейчас слишкомлюдно, чтобы высовывать свой нос, но я найду способ бежать.

Бежать без оглядки из этого места.

Не оборачиваясь и не останавливаясь.

Я не могу похоронить себя и дать врагу нашей семьи смеяться над руинами, которые останутся после. Моя семья не будет страдать из-за того, в чем ее обвиняют. Нет. Я не позволю.

И пусть мой отец не ценит меня, считая, что я не достойна носить его фамилию, но у меня еще есть младшая сестренка и мама, у которых точно остановится сердца, если мое бездыханное тело появится у их ног.

Я найду способ сбежать!

А дальше, услышав, как открывается дверь в комнату мое сердце чуть не выпрыгивает наружу.

Вжимаюсь в окно, в которое смотрела еще секунду назад. Прятаться негде, кроме шкафа, ну это глупо.

Все, это конец. Уже чувствую, как этот бандит позволяет мне сделать последний вздох и отнимает жизнь навсегда...

Глава 4. Надежда на спасение

Виталина

– Здравствуйте. Ваш обед, – в комнату робко проходит девушка лет двадцати в простой одежде, больше похожая на униформу. Черная водолазка с длинным рукавом и черная юбка ниже колена.

На голове обычный пучок, макияжа ноль. Делаю вывод, что это служанка.

С облегчением вздыхаю и наблюдаю за ее действиями. Немного отлипаю от оконного проема, который здорово так охладил меня и подхожу к девушке ближе.

Она будто проплывает мимо меня с опущенной головой, ставит поднос на столик и уже пытается выйти, но я должна попробовать. Может это мой шанс.

Последний шанс, который я просто не могу оставить просто так.

– Простите, но мне нужна помощь. Меня удерживают тут насильно, – преграждаю ей путь, пока та не «уплыла» от меня.

– Я не должна с вами говорить, – как от чумы делает шаг назад моя «гостья», по-прежнему не поднимая глаз.

Я почти плачу от неудавшейся попытки. Она не может просто так выйти, это бесчеловечно!

– Мне нужно сообщить маме, что я жива, что со мной все в порядке. Пожалуйста. Я могу воспользоваться вашим телефоном? Всего пару слов и я верну. Честно, – готова встать на колени в этот момент если потребуется, я действительно в отчаянном положении.

Она поднимает на меня свои огромные глаза. Напугана. Я ее напугала или в доме такая атмосфера, что у бандитов все ходят по струнке?

Ее неестественный взгляд в одну точку пугает. Девушка словно каменеет, и я не знаю, как себя вести. Но потом ее взгляд проходится по моему внешнему виду.

Я в мужских брюках, держащиеся на мне только благодаря ремню, обкрутивший талию на два раза и мужская свободная футболка, на голое тело. Смотрится как платье, но я все равно натянула еще и брюки. Свою одежду я быстро постирала, как только высохнет, надену все свое обратно.

Внезапно ее взгляд смягчается, и она немного расслабляется в моем обществе.

И я обретаю мимолетную надежду на ее согласие.

– Я подумаю. Ничего не обещаю, – говорит и убегает из помещения так же быстро, как и появляется.

Я молилась, чтобы девушка не передумала и смогла принести мне телефон. Две минуты, я просто скажу, где я и все.

Этого хватит, чтобы выволить меня из лап Герцева.

Настроение даже поднимается и появляется стимул жить дальше, бороться за свою свободу.

Подхожу к подносу, сегодня на обед легкий суп, бутерброд с красной рыбой, салат с овощами и круассан с соком.

Неужели бандит сжалился надо мной и решил наконец накормить?

Не знаю, но после стольких дней голодовки, желудок скручивает от запахов и внешнего вида еды.

Это божественно и надеюсь, что не разовая акция.

Откусываю маленький кусочек с жадностью и только потом думаю: а не отравил ли он еду? Он так реалистично сказал, что жить мне осталось всего ничего, но голод выиграл эту битву.

А вечером произошло наконец чудо, и моя новая знакомая протягивает мне свой телефон.

– У вас ровно минута, чтобы не было подозрений, – немного нервно произносит, унося новый поднос на столик и забирая старый.

– Алло, папа, – слезы текут. Моему счастью просто нет предела. Один звонок, а мне кажется, что я уже спасена. – Папочка, меня Герцев похитил. Забери меня. Мне страшно. Я боюсь, – помня о времени выдаю сразу все. У меня начинается истерика и легкий мандраж в теле.

Почему он молчит? Голова гудит и нарастает боль от его поведения. Адреналин бьет по вискам, стремительно смешиваясь с кровью.

Я не из робкого десятка, но теряюсь и не понимаю, что же дальше? Хочется выть от неизвестности завтрашнего дня.

Он, что, не собирается меня выволить с этого ужасного места?

– Папа, – рыдаю я, видя, что девушка уже приближается ко мне.

Мне уже пора отдавать телефон. Интуитивно сжимаю его в руках до побелевших костяшек. Кажется, я обречена на погибель от рук этого бандита.

– Он тебя уже трахал? – выдает одну-единственную фразу, действующую на меня словно ушат ледяной воды.

– Нет, – голос дрожит.

Каждая мышца моего тела натягивается как струна, напрягается и, кажется, вот-вот порвется.

– Вита, если ты мне сейчас врешь, то лучше оставайся там, где сейчас стоишь.

А после я слышу короткие гудки...

Глава 5. Кость поперек горла

Виталина

Я не могла перестать плакать. Моя жизнь будто оборвалась. Я ничего не понимала и мне никто ничего не объяснял.

Тишина.

Я больше не пыталась связаться с отцом. Больше не искала встречи с бандитом.

Я просто плакала и молилась, чтобы весь этот кошмар побыстрее закончился. Любым путем, даже самым страшным для меня.

Я мысленно смирилась, понимая, что не нужна своему отцу и семье. Ему никто не посмеет перечить, даже мама. Я была той самой костью поперек горла, жаждущая справедливости, а вот обо мне некому заступиться.

Если раньше я надеялась, я внушала себе, что мне кажется, что накручиваю себя, то сейчас я не могла найти оправдание ему.

Как так можно? Я же ничего не сделала!

Просто всегда чувствовала, что он не отдает в полной мере мне свою отцовскую любовь. Я чувствовала себя нелюбимой дочерью. Мне было с чем сравнить и Николь всегда все прощалось, в отличие от меня.

И если раньше я пыталась ему понравиться, пыталась перетянуть одеяло на себя, пыталась выделиться, чтобы папа меня заметил, похвалил, сказал доброе слово, то потом я свылась и смирилась.

Я пыталась не обижаться и вести себя достойно, думая, что причина не во мне, а в его характере...

Ну я не думала, что настолько не нужна ему.

За что? Почему я? Я ведь ничего не сделала, чтобы быть в такой немилости.

Я всегда старалась быть лучшей. Отличница в школе, первые места в олимпиадах, никаких непонятных отношений, я ждала, что отец сам выберет мне достойного, ведь у моей сестры есть уже жених.

Да я и высшее пошла получать, чтобы доказать, что я имею право называться его дочерью.

А потом я просто смирилась и начала строить свою жизнь сама. Меня настолько затянула учеба, что я решила стать врачом. Да и не обязана я ничего ему доказывать.

Это мое призвание, чувствую, что могу спасти жизни многих...

Отец был против. В семье Лазо работают только мужчины. Я снова его разочаровала, но смогла убедить не мешать мне получать удовольствие хоть где-то и в чем-то. Работа моя, это как свежий поток воздуха.

Был. Пока я не оказалась запертой здесь.

В крошечной тишине всегда отчетливо слышно любой шорох и шаги за дверью, улавливаю моментально. Сердце сжимается, начинает колотиться как умалишенное, давя на грудную клетку. Тупая боль усиливается, а дышать становится все больнее.

Я всем телом вжимаюсь в матрас, мечтаю, чтобы не зашли или не нашли меня на месте.

Но в этот раз не повезло и ко мне снова заходит Рустам, закрывая за собой дверь.

– Какая приятная неожиданность лежит на моей кровати и ждет меня.

Я в секунду подскакиваю на ноги и прижимаюсь к холодной стене.

Бандит, заметив на мне свою одежду, улыбается, но не проронив ни слова, начинает снимать одежду с себя.

Часы, запонки, потом он расстегивает рубашку...

– Что вы делаете? – останавливаю его, заливаясь красными пятнами на лице.

Не собирается же он тут раздеваться передо мной?

– Мне нужно переодеться, – не обращая на мой визг никакого внимания, продолжает.

Его мускулистая обнаженная спина кажется еще более могущественной без одежды.

Сглатываю, понимая, что впервые вижу мужчину без одежды. Понимаю, как это звучит, но это все травма из детства. Мой отец однажды сказал, что я выгляжу как шлюха и веду себя соответственно, тем самым убив во мне всю женственность и кокетство.

– Почему вы меня тут держите? Вы не имеете права, – дрожу от страха и отчаяния, словно осиновый лист на ветру.

– Что? – Герцев поворачивается, не успевая натянуть футболку. Подходит почти вплотную и заглядывает в мои глаза, замечая, что даже радужка дергается от его близости и моего страха рядом с этим мужчиной.

– Отпустите меня, – пытаюсь отползти, но он резко разводит руками, стуча костяшками по стене.

Вздрагиваю от его резкого движения. По спине бегут мурашки от его низкого тембра голоса. Я уже и сама не рада, что начала этот разговор.

Его темные глаза, словно ночь, затягивают в свой плен. Я хочу найти в них ответы на свои вопросы, но там бездна, в которую можно провалиться и никогда не выбраться, словно его подвальные катакомбы.

Я отвожу свой взгляд, не в силах противостоять. Рустам выигрывает наш немой поединок.

– Я уже сказал, когда ты выйдешь с моего дома, – его стальной голос заставляет дрожать мое тело еще сильнее. Он зол, это чувствуется. – Но я дам тебе надежду на твоё светлое будущее, все зависит от твоего горячо любимого отца. Я все еще жду его, – бандит медленно произносит каждое слово, тем самым наоборот, отбирая эту надежду.

Мои ресницы дергаются от услышанного.

Мне конец.

Как бы подло это ни звучало, ведь будь на моем месте Николь, отец бы уже давно приполз и согласился бы на все, что бы они ни требовали.

Николь его любимица, и это я знаю не понаслышке. Каждый день задавала себе вопрос – почему? А потом смирилась, понимая, что младшая сестра не испытывает такой же ярой любви к нему. Она его ненавидит даже больше, чем я.

Вот так, я всю жизнь пытаюсь добиться его любви, а она избавиться.

Герцев видит мое смущение от всей этой интимной близости и продолжает играть и давить. Наши тела почти касаются, и мне совсем не нравится, что он так близко ко мне.

– Он не придет, – мои губы дрожат на моих же словах.

Расстояние между нами становится еще меньше.

Вздрагиваю, в глазах застывает ужас, в то время как в его я отчетливо вижу гнев, раздражение, недовольство.

Рустам выдыхает прямо мне в лицо. Чувствую привкус мятной жвачки, алкоголя и табачного дыма.

Лучше не злить пьяного мужика, поэтому прикусываю нижнюю губу, делая себе больно и напоминая себе, что лучше не откровенничать лишний раз.

– Откуда такая уверенность? – с придыханием, слишком интимно шепчет бандит, наблюдая, как прозрачная слеза стекает по бледной щеке.

Смотрит на меня, не моргая, изучая.

– Сам сказал, – говорю я быстрее, чем понимаю смысл своих слов.

Страх застывает в моих глазах, и, кажется, Герцев понимает двусмысленный смысл слов.

Он молча берет в свои руки прядь волос, которые выбились из-под косы, заплетенной после банных процедур. Нежно пропускает их между пальцев.

Мы оба смотрим, как прядь моих черных волос, словно песок, струится по его могущественной руке, а потом Рустам резко сжимает все мои волосы, причиняя адскую боль.

Я вскрикиваю, понимая, что помощи ждать не от кого.

– Ты ему звонила? – жестоко прижимает меня к себе. В его голосе чувствуются нотки нетерпимости. Бандит ждет ответ, а у меня тело сводит от его хватки, жестокости и боли, которая острыми иглами пронзает каждую клеточку. Шея немеет.

Я пытаюсь ослабить хватку, но захват становится только сильнее.

Он двигается уверенно, спокойно, понимая безнаказанность своих действий, а я уже молча прокляла себя за такой опрометчивый поступок.

– Я вопрос задал, ты выходила на связь со своим папочкой? – мои ноги подкашиваются, и я падаю перед ним на колени, все еще пытаюсь освободиться от захвата его рук.

– Да, – в какой-то момент понимаю, что легче во всем призываться и сдаюсь, пока все мои волосы не оказались в его руках отдельно от меня.

Выбив из меня ответ, Герцев отпускает, и я уже не скрываю эмоций, сердце стучит в районе горла, пока я пытаюсь хватать ртом воздух.

Украдкой смотрю на своего мучителя и чуть в обморок не падаю. Холодный, тяжелый взгляд, венка на шее дергается, ноздри раздуваются от злости и лютой ненависти ко мне в данный момент. Он облокачивается на стол, а я вижу, как он со всей силой вжимается пальцами в столешницу, такой же силой только что он держал мои локоны, выдирая с корнем.

Чудовище.

– Еще раз ты меня ослушаешься... – поворачивается и смотрит в упор, пока я руками обнимаю колени.

Такому как он не нужно договаривать. Все читается и без слов по глазам. Паника парализует нервные окончания, когда я сама додумываю предложение. Но неожиданно его голос меняется, отдает следующий приказ спокойным и тихим голосом:

– Он придет, а ты слишком долго сидишь без дела. Завтра начнешь отрабатывать свое нахождение в моей комнате.

Глава 6. Отец у врага

Виталина

Ненавижу.

Как он мог так со мной обращаться?

Герцев вышел, а я так и осталась валяться на холодном полу и плакать горькими слезами.

Отчаяние, боль, жалость, я испытывала все в свой адрес и мне было совершенно плевать, как я выгляжу со стороны.

Легкие становятся свинцовыми от душевного состояния.

Он уверен, что отец придет? Я нет.

Я никогда еще не слышала ничего хорошего от него. Вот и сейчас.

Меня украли по его вине. Издеваются и держат насильно в этом месте, а его интересует не испортили ли меня как товар.

«*Не веди себя как илюха. Прикрой колени*», – в воздухе витает голос отца и от этого тело покрывается ужасными мурашками. Фразы из детства, которые триггерят сейчас. Вот, что я слышала от него за всю жизнь.

Это был день, когда я впервые согласилась на свидание с мальчиком из колледжа и натянула на себя юбку, на пару сантиметров выше обычного. Не трудно догадаться, что до свидания я так и не дошла. После нескольких таких «залетов» отец начал нас наказывать. Он запирал нас в темном и пыльном чулане на самом верху и не выпускал по несколько дней. Со стороны это выглядело как забота, оберегание от жестокого и грязного мира.

А на деле, мы были в заточении... без света, свежего воздуха, почти без еды и воды. Это было пыткой.

И сейчас вместо того, чтобы спасти дочь, первое, что я слышу, так это про девственность, да еще и в такой жестокой форме.

Отодрав себя от пола, я нахожу в себе силы подняться.

К ужину не притронусь. Пусть это будет как маленький вызов. Я должна хоть как-то показать, что не смирилась, не подчинилась его правилам.

Никогда не смирюсь!

Запахи на подносе сводят с ума, но я нашла в себе силы и рухнула на кровать, спрятав голову в подушке.

Дышать становится проблематично. Тянусь за ингалятором.

Черт. Скоро пора будет менять баллончик, но я подумаю об этом позже. Не сейчас.

В конце концов Герцев точно принесет новый. Я ему нужна живой. Пока живой, я это знаю. Пока его надежда не рухнула, он не убьет меня.

– Вставай, – на утро меня будит один из охранников. Сама не понимаю как уснула, но разлепив веки, понимаю, что уже давно солнце в зените.

Быстро открываю глаза и вижу девушку с тряпкой и ведром в руках. Она стоит в дверях, не решаясь войти внутрь.

Другая девушка.

Сердце сразу начинает нездорово стучать, когда я начинаю думать, что подставила ни в чем не повинного человека своим поступком. Не сложно догадаться, кто протянул мне руку помощи в этом доме.

Подскакиваю и поправляю одежду.

– Не хочешь есть, не ешь. Твои проблемы, – смотрит на нетронутый поднос на столике охранник. – Вот тряпка. Будешь сегодня лестницу драить.

Говорит мне про мое задание, которое для меня придумал Герцев и выходит, оставив меня наедине с девушкой.

– Лучше бы поела, – дает мне совет и ставит ведро на пол. – Пойдемте. Я покажу лестницу.

Она подходит к выходу, открывает дверь, а для меня это уже как свобода.

Я быстро выхожу, не забывая осматривать и запоминать все, что вижу на пути.

– Вам разрешили передвигаться по дому, но в определенное время. Днем.

Какая щедрость, думаю.

– Вот и лестница, – мы останавливаемся около той самой, ведущей на первый этаж, а потом к выходу.

Улица.

Я вижу свободу за этой дверью. Свежий воздух и мой единственный шанс, который нужно не упустить.

Молча беру тряпку и принимаюсь к делу. Не вижу смысла ждать. Я должна затуманить глаза охране и бандитам.

Усыпить бдительность, если можно так выразиться, чтобы воспользоваться этим шансом.

Во второй половине дня появляется суeta в доме, но на меня, как ни странно, никто не обращает внимание.

Я сижу почти в самом низу, на первом этаже на ступеньке, когда передо мной возвышается мужчина в начищенных ботинках.

Не трудно догадаться.

Рустам Герцев пришел собственноручно проверить, как я справляюсь с его приказом?

Поднимаю глаза и встречаюсь с его бездной. В глазах тьма, черная дыра и нескрываемая ненависть.

Я до сих пор в его рубашке, так как забыла напрочь переодеться. Да и в брюках удобнее, чем в юбке.

– Тебе идет, – не забывает язвить, говоря про половую тряпку в моих руках. Хочется швырнуть ее ему в лицо, но я покорно и молча смотрю на его ботинки, проклиная в глубине души.

Не нарывайся Вита, скоро ты найдешь способ!

Опускаю глаза, изображаю подчинение.

Его идеально сидящий деловой костюм, рубашка персикового цвета, расстегнутая на несколько пуговиц. Герцев выглядит по-деловому, дорого и даже стильно.

Он, наверное, популярный среди женщин, – проносится мысль в голове, но я стараюсь сразу же отбросить ее подальше.

Глубоко вздохнув, принимаюсь и дальше за свою работу, стараясь не обращать внимания на его присутствие.

На самом деле, я хорошо справляюсь с домашними обязанностями. Просто великолепно, я бы сказала. Иногда мне даже кажется, что отец воспитывал в нас служанок, а не любимых дочерей.

– Интересно, как Лазо отреагирует, узнав, что его дочь драит полы у своего врага? – продолжает язвить, наблюдая за моей работой. Герцев хочет вывести на эмоции, но я не поддаюсь.

«Нормально отреагирует, никак», – думаю, но на деле молчу. Я вообще всегда буду молчать, чтобы больше не говорить ничего лишнего.

Мое признание, и так, непонятно как отразилось на судьбе девушки, которую я больше и не увидела за полдня работы. Думаю, увольнение это самое простое, что могло ее ожидать. Отгоняя страшные мысли, словно назойливых мух, продолжаю сидеть на нижней ступеньке с опущенной головой.

– На сегодня можешь быть свободна. Заканчивай и убирайся обратно, – громко говорит, чтобы охранник, приставленный ко мне, тоже расслышал последний приказ.

А после выходит на улицу.

Морально все это сложнее, чем я думала.

Протираю ступеньку полусухой тряпкой и уже собираюсь уходить в свою «камеру», как вижу к особняку подъезжающую машину.

Не могу оторвать взгляда от увиденной картины и подхожу ближе. Как ни странно, меня никто не останавливает и не преграждает путь, а я наблюдаю, как из до боли знакомого внедорожника, выходит отец с гордо поднятой головой.

Глава 7. Выстрел, остановивший жизнь

Виталина

Я не могу разобрать речь, но четко вижу спор между двумя мужчинами. Их выдают жесты рук, напряженная мимика лица и охрана, держащая руки на кобуре.

Хочется крикнуть, что я здесь, но мне не дадут этого сделать, а я только снова разозлю Герцева и подставляю отца.

Сердце снова зашло в груди, стало колоть от боли. Жар прошелся по всему телу от увиденной картины.

Если он приехал, значит заберет меня. Скоро весь этот кошмар закончится, и я обниму маму с сестренкой.

Надежда на спасение взлетает вверх. Во мне плачет от счастья маленькая девочка, которая трепетно ждала поддержки от родителя и дождалась.

Я думала, что отец просто рад избавиться от меня, а он пришел, не бросил меня тут и собирается вернуть домой. Нужно просто подождать, пока двое мужчин договорятся.

Кусаю губу до боли, чтобы осознать до конца, что это не сон. Я чувствую, значит не сплю, значит все это происходит на яву.

Я не знаю, как оказалась на улице. Ноги сами вывели на свежий воздух, и я спряталась за колонной возле выхода. Надзиратель стоял совсем близко, но не останавливал.

Странно.

Но мне же говорить ему об этом!? Мне совершенно плевать, если в итоге один из людей бандита получит выговор или лишится работы.

Зато здесь, вдали от всех мест, я слышу хотя бы урывками часть разговора. Мне остается только догадываться, о чем речь, собирая долетающие слова в предложения.

Хоть бы отец не передумал и не ушел. Герцев настроен слишком враждебно, чтобы просто так отпускать. Он же ясно дал понять, что отдаст лишь тело, а не меня.

Чувствую себя в безопасности ровно до тех пор, пока не оказываюсь в плену черных глаз. Кровь в жилах закипает от флюидов, которые молнией пронзают тело. Дыхание сбивается, и я уже не чувствую той безопасности, что была только что.

Я чувствую опасность.

Его взгляд лишь на секунду задержался на моей высунутой голове. Может не заметил или не обратил внимания? Но через мгновение он снова бросает взгляд в мою сторону и ловит в омут своих глаз.

Вжимаюсь в место, за которым прячусь, улавливаю усмешку на его глазах. Герцев будто издевается надо мной, играет на чувствах.

А потом случается то, чего я так боюсь услышать наяву столько лет.

Их голоса становятся громче и мне уже хочется закрыть уши, чтобы не слышать. Не слушать. Омут черных глаз, даже не обращая на меня внимания, держат на месте, словно марионетку.

Я закрываю глаза, слезы жгут изнутри.

Это признание выдергивает меня из взгляда бандита, и я переключилась на отца.

– Она умоляла меня о пощаде, – эту фразу, произнесенную громче всех остальных, я слышу так четко, что в ушах звенит, а в сердце колотится.

Нет, этого не может быть. Я столько лет его защищала, бунтовала со всеми, от кого слышала клевету.

Я до последнего не верила, что отец настолько жесток, списывая все на характер, на тяжелую жизнь, что он один работает и держит бизнес в своих руках. Это тяжело и отражается на семье.

Некоторые люди не могут разделять семью и работу, я оправдывала отца этим.

А теперь я слышу признание, которое черной краской закрашивает все яркое из жизни. Я была готова к любой лжи, но не к такой правде.

– Но я не пощадил, – Рустам сжимает кулаки от этого признания. Он больше не смотрит в мою сторону, он сконцентрирован на моем отце, который подписывает сейчас себе приговор. Я только вижу, как пальцы в кулаки сжимаются и Герцев держится из последних сил.

Держится, чтобы не сорваться.

– Я издевался над ней неделю, – слезы брызжут из глаз от услышанного.

Как он мог быть таким жестоким?

Пауза виснет в воздухе. Оглушительная тишина давит. Я отворачиваюсь, прижимаясь спиной в колону дома и молча стою, не чувствуя ничего, кроме презрения к родителю, который оказался жестоким и бездушным.

Он меня не видел. Стоял спиной. Я не знаю, как бы смотрела на него, если бы видела лицо. Да и отец вряд ли так активно откровенничал, глядя на меня. Я ведь тоже буду чей-то женой, неужели он хотел бы такой участи для нас, своим дочерям? Ведь все циклично в этой жизни, все повторяется...

– На шестой день, когда я ее трахал, она перестала сопротивляться, – смеется, смакуя каждое слово. Как вообще Герцев может стоять и смотреть? Я бы уже, и сама давно перестала

удерживать эмоции от таких слов. – Видать, стало нравится. А потом она шагнула из окна. Нет. Она осталась жива, только позвоночник переломала себе, идиотка. Лежала, кряхтела под окном моего кабинета. Даже плакала, молча, я видел только слезы и отчаяние, что она до сих пор дышала. Я бы отпустил, но подумал, что калека никому не нужна, и выстрелил. Закончил ее мучения. Да ты спасибо мне должен сказать, иначе бы сейчас с ложечки кормил бабу, которая даже посрать самостоятельно не может.

Черные глаза Герцева чернеют еще сильнее. В воздухе витает лютая ненависть и напряжение нарастает.

На секунду мне кажется, что он со мной то же самое может сделать, лишь бы дать ощутить отцу чувства, которые сейчас бушуют и душат бандита.

Он напряжен, пальцы в кулаке, а челюсть сжата.

Сейчас точно что-то будет!

Бандит достает пистолет из кобуры, спрятанной сбоку, и приставляет к виску моего отца.

Я задерживаю дыхание. Нет. Каким бы чудовищем он ни был, я не хочу смотреть, как на моих глазах убивают отца.

Охрана подбегает к Лазо и опускает на колени. Отец держит голову высоко и гордо, не признавая поражения, не сожалея о сделанном и тем более сказанном.

Зачем он сознался?

Столько лет молчал, а сейчас приехал, чтобы очиститься?

Мои пальцы холодеют от напряжения. Дыхание перестает поступать в легкие. Мне резко хочется убежать и поскорее все забыть.

Я не должна знать, он мой отец. Он человек, который меня вырастил. Я помню его с самого начала всех своих воспоминаний и смотреть, как его жизнь обрывается мне не по силам.

Я увидела красную точку на груди Герцева, пока он сжимал пистолет над головой отца.

– Нет, – закричала, но секундой позже, как он нажал на курок и отшатнулся от моего крика.

Рустам резко отпрыгнул и тем самым спас себе жизнь, но за ним, в нескольких метрах от трагедии, так же пряталась девочка, не успевшая среагировать.

Она упала на траву через минуту после падения отца.

– Виккккка, – закричали мужчины в голос, быстро побежавшие к ней, сломя голову.

Глава 8. Вендетта

Рустам

Беру хрупкое тело сестры и прижимаю к себе.

Пальцы дрожат, на глазах слезы.

Не ожидал, что старик ведет свою игру. Обхитрил меня и развел, как мальчишку.

Хотел перед смертью рассказать, как издевался над моей любимой женщиной. Над женщиной, ради которой я готов был горы свернуть и передвинуть.

Я тогда не верил, что Лазо настолько жесток и способен на такое зверство, не верил, что в бизнесе не бывает по-другому. Я играл честно, и получил за нее сполна. Видит бог, я никому не желал зла. Открыл свой бизнес на честно заработанные, как отец учил, никому не мешал, дорогу не переходил. Братьев учил тому же, но когда вырывают сердце, сложно быть человечным до конца.

Я столько лет охотился за ним, вынашивал план мести, перебирал в голове разные варианты и самым жестоким было для меня просто задушить мерзавца голыми руками. Но когда увидел его старшенькую, увидел, с каким беспокойством Лазо смотрел на нее в тот день и хоть делал вид, что зол и девчонка его не интересует, в глазах застыли совершенно другие эмоции. Он переживал, что дочь показалась, знал же, гад, что я запомню и внешность, и голос.

Никогда теперь не спутаю. Эта девчонка настолько въелась в кожу, что стала по ночам мне сниться, и перестала, только оказавшись взаперти в моем доме. Ни разу за это время не видел ее во сне, только наяву, чувствуя запах цветов, исходящего от кожи, шлейфом разносящийся по воздуху.

Я знал, что с помощью нее смогу вырвать у Лазо душу и покой.

Мой яростный взгляд, словно кинжал, летит в сторону его дочурки, которая так нево-время закричала, заставив дрогнуть руку. Я промахнулся, нажимая на курок, но этот сученыш все еще дышит. Надеюсь, что недолго ему останется.

Я должен был получить эту пулю, а не сестра. Она еще слишком молода, чтобы умирать.

Девчонка замечает лютую ненависть, обращенную к ней, и с бешеной скоростью влетает в проем двери, исчезая из поля видимости.

Беги сука, но знай, что тебя уже ничего не спасет.

Со стороны доносится возглас о том, что сердце Лазо биться перестало, а меня лишь переполняет безумное желание истребить все, что связано с его семьей. Мне мало только одной пролитой крови, я хочу мстить и дальше.

Не торопясь, нежно, как хрупкую вазу, передаю Вику брату и тяжелыми шагами ступаю в направлении дома.

Я убью ее, нет, я буду мучить ее так же, как ее папаша издевался над моей Лизой. Она будет сама умолять меня о смерти, и я с радостью выполню ее желание.

– Рустам, сейчас не время, – орет вслед брат, но я не в том состоянии, чтобы терять время на болтовню. Злость и ярость, словно дымкой или пеленой, затуманили разум. Сейчас меня больше ничего не интересует. Я должен завершить начатое...

– Заткнись, – не сбавляя темп, иду в направлении спальни. Знаю, что она там, забилась, словно пугливый котенок. Я так долго ждал мести и совершенно не чувствую удовлетворения, когда вижу его гнилое тело на сырой земле в луже крови.

Гребаный старик удовольствие получал, когда говорил мне подробности из последних дней жены, а я не получил от его смерти ни черта.

По дороге вижу, как скручивают снайпера, посмеявшегося выстрелить в мою сестру.

– Убейте его, – рычу охране. Они справятся, а у меня куда более важное занятие, которое никому не могу доверить.

– Рустам, стой, – возле двери все же догоняет брат.

– Отойди, – толкаю его со всей дури. Хочется врезать, чтобы не останавливал. Это моя личная вендетта и я не отступлю.

– Сейчас не время. Вике нужен врач.

– Так вызови. Полный дом людей, ни у кого мобильного нет?

Сам не понимаю, что несу, но сейчас будто перед глазами одна цель, которую я не могу доверить никому другому.

– Вызвали уже. Сейчас не время еще для одного трупа. Успокойся. Сначала сестра. Потом уже эта шалава, – впервые вижу, чтобы брат спорил со мной. В глазах застыли слезы за нашу девочку, которую мы не уберегли.

Мать перед смертью просила стать опорой для единственной дочки, сделать ее счастливой, не дать в обиду. Мы всегда возились с ней, как с куколкой, статуэткой. Она и похожа на нее, хрупкая и ранимая...

– Если ты зайдешь следом, я убью тебя, – не нужно говорить дважды. Я сдержу слово, и он знает об этом.

Ногой открываю дверь собственной комнаты, ломая с треском замок.

Даже воздух пропитан страхом.

Бойся меня, твой палач пришел.

Нахожу ее за комодом, дрожащую, заплаканную. Еле дышит и не шевелится.

Я ненавижу ее за прошлое, которое связывает меня и ее отца.

Ненавижу даже одну мысль, что ее семья отобрала у меня самого дорогого человека. Я любил Лизу больше, чем себя, боялся дышать на свою жену, а сегодня узнал подробности ее смерти. Все внутри умерло второй раз.

– Я не виновата, – шепчет одними губами.

Она слышала последнее признание. Я вынудил старика говорить громко, выпевив ее ярко горящие глаза, в которых читался вызов. Вита думала, что скоро окажется на свободе.

– Я убью тебя. Теперь тебя никто не спасет, – поднимаю тот же пистолет, которым полчаса назад застрелил ее папочку.

В крови адреналин, месть сжирает изнутри, вырывается наружу и разъедая раны, которые до сих пор кровоточат.

Девчонка загнана в угол.

Я навожу на нее руку до побелевших костяшек, сжимающую пистолет, и она жмурится, не в состоянии смотреть в глаза смерти, а потом начинает задыхаться.

Бл*ть! Я могу и не мारать об нее руки, просто смотреть, как она сама себя убьет и ничего не делать...

Глава 9. Цена крови

Рустам

– Я могу помочь, – не разжимая глаз шепчет. Еще совсем чуть-чуть, перевожу взгляд на столик, на котором ингалятор. С места не сдвинусь, пока она последний вздох не издаст.

– Чем ты, блядь, поможешь? – рычу на ее жалкие попытки.

Это все ее блядская семья. Сначала жену у меня отобрали, а сегодня и сестра под ударом.

Вдыхаю. Скоро приедет скорая и спасет ее, поможет. Не позволю во второй раз близкого человека у меня забрать. Я все сделаю, но вытащу Вику из лап смерти.

А если скорая не успеет, я в порошок сотру всю семейку Лазо. Ни перед чем и не перед кем не остановлюсь. Никого не пощажу.

– Я врач, – еле слышно шепчет, а я не верю. Это все просто, чтобы выкрасть время, отсрочить мое уже принятое решение.

Я не дам себя одурачить во второй раз. Я должен был там лечь, и принял бы это. По крайней мере Вика бы не мучилась сейчас, и эта бы не задыхалась.

Только сейчас замечаю, как дочка Лазо ловит губами воздух. Она сейчас бессильна, не может сопротивляться. Сейчас ее жизнь полностью зависит от меня.

– Помоги, – смотрит на меня своими фиалковыми глазами, умоляет, а у меня внутри ничего.

Пустота.

– Если ты меня сейчас разводишь, я тебе шею переломаю, – медленно протягиваю ей ингалятор и смотрю, как она жизнь свою спасает.

Дыхание восстанавливается и уже глаза немного коварнее у моей пленницы.

– Я учусь на хирурга. Я могу помочь, до приезда скорой.

– Так ты врач или учишься? Я что, совсем уже конченный, чтобы доверять жизнь сестры непонятно кому? – Ну все, я не могу больше терпеть эту дрянь, которая выкрала себе несколько минут жизни.

Не хотел пачкать руки, так придется.

– Рустам, на дороге затор. Наши выехали, но скорая не проедет. Грузовики встали. Объехать не вариант, нужно убирать.

В комнату все же врывается брат, а у меня глаза кровью обливаются от продуманного плана Лазо. Не оценил. Браво. Путь до участка закрыл. Предвидел видать, что нужна будет помощь со стороны и заблокировал проход.

– Что с Викой? – глаза не спускаю с девчонки, которая так же гипнотизирует меня в этот момент.

– Держится, но крови много вокруг, не можем остановить.

Что-то мне подсказывает что намучаюсь я с этой Виталиной, но другого варианта нет. Если я не рискну, то сестра в любом случае умрет, а так есть небольшой шанс.

Борюсь сам с собой до скрежета зубов и белых костяшек пальцев в кулаке. Они не оставили мне выбора. Выбор без выбора так себе звучит.

– Пошли, – хватаю ее за локоть и волочу за собой, словно мертвую.

– Если ты такая же дальновидная, то тебя ждет участь отца, – захожу в комнату, на которой Вика лежит, скулит и корчится от боли, пока все родные держат ее и пытаются помочь.

– Я поняла, – вырывает руку и подходит к ней. – Мне нужны тряпки сухие и чистые, вода теплая, вся аптечка, что есть в доме и нож. А и еще алкоголь, крепкий, – говорит в пустоту, пряча глаза от меня.

Няня Вики подрывается и несется исполнять пожелания псевдо-доктора, а я глаз с нее не спускаю.

Вита знает, что я ее в порошок сотру, если что сотворит лишнего, но и так же знаю, что Викию этот необдуманный шаг не спасет и не вернет.

– От меня что-то требуется? – подхожу почти вплотную, когда она осматривает рану.

– Ой, – подскакивает на ровном месте и вжимается в кровать, на котором корчится от боли девочка. – Н-нет.

Еще пару минут буравит меня своим огненным взглядом, а потом отворачивается и делает вид, что меня нет.

Но я есть.

И я готов руки в крови запачкать и во второй раз за сегодня от одного неверного движения.

– Нужно держать руку. Я вколола обезболивающее, но на всякий случай, – подхожу снова, но судя по ее реакции она ждала помощи от кого угодно, но не от меня.

Я никому не могу доверить свое сокровище, даже остальным братьям, поэтому и отправил их разбираться со скорой.

Вита дрожать начинает, но медленно достает пулю, а я хочу этой пулей всех ее родственников пристрелить.

Всех сейчас виню. Все виноваты. Даже Вита.

Но в первую очередь виноват только я, что устроил разборки в собственном доме. Нужно было где угодно, но не подставлять дорогих мне людей.

Если бы Виталина тогда, несколько лет назад, не выбежала, защищая своего папашу, я бы пристрелил его. Никто бы мне не помешал. Не захотел при девочке. А сейчас вот жалею.

Тогда она спасла шкуру отца своего, а сегодня Вики.

Глава 10. На пределе

Виталина

Руки дрожат, но я не могу ошибаться и чувства свои личные выставлять напоказ. Девчонка совсем молодая. Сколько ей? Тринадцать? Пятнадцать?

И откуда у этого бандюгана ребенок в доме? Они все к ней побежали. Были ошарашены, что она вообще стояла и подсматривала. Не должно было ее там быть. Никто не хотел, чтобы ребенок видел эту вендетту.

Хотя, со стороны моего отца было прекрасно видно ребенка... и его не остановил этот факт? Он говорил все свои мерзости, зная, что она тоже слышит.

Скорее всего этой Вике стало просто любопытно, что творится во дворе. Возможно, на шум выбежала так не вовремя.

Но уже не исправить ничего. Остается только зашивать и надеяться на чудо.
Рана совсем близко к сердцу и это просто везение, что она до сих пор дышит.
Медленно и осторожно вынимаю серый металл, проткнувший тонкую кожу.

– В рубашке родилась, – говорю непринужденно, забыв, что я в доме Герцева, а не на операции в больнице.

Он ничего не отвечает, а только мажет по мне своим холодом и снова на девочку смотрит. Крепко держит ее руку, переживает, пальчики ее целует. Видно, что себя винит. По одному только взгляду видно, как он переживает, нервничает и дорожит ребенком.

Смутившись от такого трепетного отношения, отворачиваюсь. Герцев за эту девчушку любого порвет.

– Это твоя дочь? – людское любопытство берет верх. Не могу в тишине работать. Я хоть и помощник опытного хирурга в больнице, но мы всегда отвлекаемся от боли разговорами. Как говорит мой начальник, в тишине рехнуться можно, и чтобы не чувствовать чужую боль, мы разговариваем на отвлеченные темы, как офисные работники на обеде.

Я, конечно, не буду говорить с Рустамом о погоде и каким фильмам тот отдает предпочтение, но я привыкла к фоновому шуму со стороны. Знаю, что Вика все равно чувствует боль. Обезболивающего мало. Больше нет чудо укола и пока оно не перестало действовать, я пытаюсь, тороплюсь как могу. На самом деле времени нет. Эта борьба за жизнь идет уже на минуты, одно неверное решение, одно необдуманное действие и она перестанет дышать, перестанет мучаться.

Нельзя этого допустить!

Пальцы не слушаются, дрожат.

Это первая моя сольная операция. Да еще и если не справлюсь, то перекрою себе кислород.

Я должна была попытаться и даже не ради собственной жизни, хоть это так же сыграло роль, но я не могла опустить руки, зная, что сейчас нуждается в операции ребенок.

– Сестра, – отвечает, пока я снова прокалываю ее нежную кожу острой иглой.

В его аптечке даже такая есть. Специальная. Я как бы рада, что не обычная, но насторожилась.

Хотя, чему я вообще удивляюсь!?

Один вопрос мучает, как сейчас отец?!

Лазо не мог скончаться, я не помню выстрелов. Он просто упал. Может есть шанс на спасение?

Не проронив больше ни слова, заканчиваю и сделав глоток прямо с горла, отползаю.

Смотрю в окно и пытаюсь успокоиться. Тело до сих пор колошматит от того, что смогла. Я уверена, что все прошло гладко, хоть и приборов соответствующих нет. Все на интуиции, которая ликует сейчас. Шов довольно ровный, даже идеальный. Очень надеюсь, что врачи снимут и не останется ни следа, вот только еле видимый шрам и напоминание о прошлом гарантирован этой прелестной девочке.

В больнице я на принеси-подай. Ну я нисколько не жалею о своем выбранном пути. Я счастлива, это мой путь в независимость.

Это только начало.

И я была счастлива, что мне удалось пробиться и на эту должность.

Я впитывала все, как губка, мечтая оказаться на месте Станиславского в роли врача. Я дала себе слово выучиться, и не отступлю. Он единственный врач, который поверил, и я еще ни разу не подвела. Я никогда не сдамся, даже если мне откажут в каждой больнице города. ведь есть и другие города.

Это мое призвание и моя мечта. И эта мечта дорого мне обошлась. Как я умоляла отца дать мне шанс на такое высшее. Он не хотел видеть меня в обычном медицинском халате, но я

уговорила. После школы, отец запихнул меня на должность менеджера, но офисный работник слишком скучно и пресно для меня.

Я должна спасать жизни людей.

Но Герцеву не обязательно всего этого знать.

Я просто была не готова вытаскивать пулю из живого ребенка, поэтому и такая реакция тела.

Чтобы не показаться совсем трусихой, я просто молча отползла подальше и в тени всего этого восстанавливала дыхание.

Скоро все закончится пройдет.

– Это твоя первая операция? – будто читая мои мысли, подходит ко мне почти вплотную. Уже во второй раз пугает меня и заставляет дергаться от его присутствия.

– Нет, – немного осмелев от одного глотка, поворачиваюсь и держу этот хищный взгляд, который держит в своем плену.

Все расплывается. Не нужно было пить, но я так успокаивала нервы. Слишком много произошло. Еще и руки в крови, которые я слегка только обмыла в тазике с теплой водой.

Нет. Я не падаю в обморок при виде алой жидкости, но все это уже слишком для меня. Нервы потихоньку сдают.

– Заметно, – пытается дотронуться до щеки, но я отворачиваюсь.

Сама прикасаюсь. Вся щека запачкана. Пытаюсь вытереть, но кажется только хуже делаю. Ладно. Сейчас пойду обратно в комнату и умоюсь. Не будет же он меня убивать после этого.

Вику уже выносят на носилках.

Скорая приехала?

Я настолько задумалась, что не заметила постороннего шума в зале.

– Мой отец жив? – это единственное, что меня интересует. Я до сих пор ничего о нем не знаю и меня корбит, что он может точно так же сейчас лежит и мучается, а я не помогаю.

Я могу его спасти.

Но Герцев лишь усмехается в ответ на мой вопрос, даря обворожительную улыбку, и уходит, оставив меня без ответа.

Глава 11. Ложная свобода

Виталина

Вбегаю в спальню и тру себя мочалкой до красноты. Нет. Я не брезгливая и после соприкосновения с девочкой не чувствую себя грязной, но мне так хочется отмыться от взглядов этого несносного Герцева. Его липкий и брезгливый взгляд на мою скромную персону просто пропитал каждую пору кожи, оставляя неприятные ощущения.

Я пыталась содрать с себя и ту правду, с помощью болевых ощущений и грубой мочалки.

Правда очень странная штука, сначала я трачу кучу времени, чтобы докопаться до истины, а теперь я хочу забыть, все что услышала. Я не готова была это принять. К этому нужна специальная подготовка, хотя, как к этим словам можно подготовиться?

Мой отец изнасиловал, а потом убил молодую женщину.

В глубине души я понимаю Рустама, но он мой отец. Его бросить просто так я тоже не могу.

Как бы ни было больно, горестно, я бы многое отдала, лишь бы не знать этот гнусный факт о родителе и жить как раньше. Так проще смотреть в глаза собственному отцу, от которого я не могу отказаться. Родственные и кровные узы в нашей семье неразрывны.

И такую жизнь дали мне не спросив.

А после решаюсь на невозможное и дергаю ручку двери моего плена...

У меня и надежды-то не было, что она откроется, но произошло чудо и почуяв запах свободы, я шагнула вперед, в пропасть и неизвестность.

С каждым новым шагом я слышала за спиной угрозы Рустама, оборачивалась и гнала его голос, который въелся настолько, что холодный душ не помог.

Я все еще чувствовала его запах, когда он меня чуть не задушил. Кожа чувствовала грубые прикосновения на шее. Я понимала, что если не сбегу сейчас, то второго подарка судьбы от бандита точно ждать бессмысленно.

Я играю с огнем. Знаю, но и сидеть сложа руки не вариант. Может, он сжалился таким способом решил подарить такую долгожданную свободу? Я спасла его сестру. Скорая бы точно не успела, это я как врач утверждаю.

Я будто пропиталась им, голова кружилась, и свобода была так близко, рядом, будто сейчас руку протяну и дотронусь.

И я протянула...

И дотронулась...

Спрятавшись за огромным кустом декоративных цветов, я ждала подходящего момента. Ну хоть что-нибудь же должно произойти! Если я оказалась почти у ворот, на улице, значит все заняты другими делами и никому нет дела до меня.

Конечно, в доме ураган прошелся. Скорее всего Герцев уехал за сестрой вместе со своими лучшими охранниками.

Я должна убежать и позвать на помощь.

Я должна спасти отца, я не верю, что тот мертв. Старик Лазо будет жить вечно, я помню, он так говорил, что ни один враг его не свергнет с трона.

И Бог услышал мои молитвы. Воспользовавшись тем, что один охранник ушел и ослабил контроль на своей территории, я быстро подбежала к калитке и выскочила наружу.

Я не выпускала из рук маленький флакончик своего ингалятора. Лишь бы не потерять его, иначе не выживу.

Бреду по пустой улице в обратном направлении от того чертова дома и, как назло, ни единой машины.

Простой, обычной. Я не дура кидаться на дорогие марки, понимая, чьи они могут быть. Я пряталась за деревьями, когда сердце начинало бешено стучать с болью, чуя приближение опасности. Шестое чувство работает на отлично.

А вот обычных простых марок на моем пути не встречалось, а дорога все не заканчивалась и дома все в этом поселке, один краше другого, что тоже навело на мысль, что помощи там точно не стоит ждать.

Паника снова пробралась наружу.

Уже солнце почти спряталось за горизонтом. Скоро наступят сумерки, и я окажусь ночью на пустой дороге, можно сказать в лесу.

Страшно до ужаса. Оборачиваюсь, но обратно тоже нет пути. Я сделала свой выбор, когда переступила территорию Герцевых. Он точно не оставит просто так мой побег, да и не совсем дура, чтобы добровольно сдаваться, когда судьба подарила шанс на побег.

Слезы подкрадываются с бешеной скоростью. Хочется уже есть и пить, да и выть от страха, а в руках только один ингалятор и храбрость в сжатой руке, которую боюсь ослабить.

Я вышла из элитного поселка, тяжело вздохнула и пошла дальше. Уже не от кого было ждать помощи, как на дороге я увидела старенькую бэу и быстро выбежала на дорогу.

На такой точно всякие Герцевы не ездят.

Останавливаю тачку почти собой, преградив путь, и в этот момент понимаю, что лучше бы задал.

Зажмурившись, я ахнула от серых глаз, которые испепеляли, горели и молча убивали.

Мы смотрели друг на друга ровно минуту, а потом бандит открыл дверцу своей «старушки», и я ринулась бежать в лес.

Вот я дура. Как я могла так облажаться. Лучше бы пешком пошла до города и не попалась бы на глаза никому.

Но все эти мысли задним числом не работают. Я еле ноги передвигаю, слышу шаги, которые без труда догоняют.

Я уже даже дыхание его слышу.

Любой триллер просто сказка, по сравнению с тем, что я здесь и сейчас ощущаю.

Я несколько раз оглядываюсь, но никого не вижу, я лишь слышу тяжелое дыхание и свое сердце, которое колотится, словно бешенное.

В груди все печет от страха и скорой смерти. Один необдуманный шаг и мне конец. Второго шанса не будет.

Падаю на землю, на ходу теряю обувь, но времени на поиски у меня нет. Мне жизнь спасать надо, пока я могу бороться за нее.

Плачу. Соленые слезы мешают двигаться быстрее. Все плывет перед глазами.

Времени у меня почти нет, но я иду до последнего.

Уже нет. В какой-то момент я снова ощущаю его руки на своем теле и это далеко не нежные прикосновения.

Его дыхание опалает кожу, место прикосновения горит.

Быстро зажмуриваюсь, чтобы не видеть то, что приготовил для меня мой палач.

Глава 12. Не родная

Рустам

– Ах ты маленькая сука. Как ты вообще тут оказалась? – рывком притягиваю на себя ее хрупкое тело. Вся дрожит, зубы стучат, а в глазах будто на смерть с косой смотрит, а не на меня. Страх и прерывистое дыхание, вот что я слышу, когда поднимаю миниатюрное тело с земли.

Осматриваю тело, а потом снова заглядываю в ее голубые глаза, словно в океан бездонный. Хочу мольбу о помощи увидеть, а вижу вызов.

– Отпустите, – снова заводит свою шарманку, без угрызения совести.

Всех уволю к чертям собачьим. Обычная девчонка смогла обхитрить моих остолобов, которые живут за мой счет.

Держу ее тело в крепкой узде.

Такая мягкая сейчас и покладистая. Понимает, что вырываться бессмысленно, поэтому просто замерла и ждет моей реакции на мольбу.

– Вика выжила. Иначе бы убил тебя прямо тут, в лесу, и оставил бы на съедение диким зверям, – рычу в лицо. Сестра только сдерживает, держа меня в здравом рассудке.

– А теперь поговорим о побеге. Куда собралась? – тяну обратно к дороге.

Адреналин бушует в крови. Хочу встряхнуть из нее душу, но Вита не из робких. Она еще тогда могла постоять за себя и не только за себя.

– Хватит брыкаться! Ты думала, что сможешь уйти? Да я тебя из-под земли достану, – кидаю ее на капот машины, приближаясь.

Она еще тогда мне показалась другой. Девчонка, которая просто выбежала, когда у Лазо закончились аргументы. Встала между моим врагом и мной, показав, что не боится.

А зря.

Лучше бы боялась.

Я тогда не знал о ее существовании. Думал, у старика одна дочь, в которой он души не чает, но той было десять, а я не увлекаюсь маленькими девочками.

– Я вижу, что ты стала еще сильнее духом. Молодец, что не теряешь надежды, но силы не равны, и ты это прекрасно знаешь, – нависаю над ее телом. – Твои жалкие попытки противостоять мне ничем не закончатся. Я тебя из-под земли достану, – шепчу над ухом, и ее тело покрывается мурашками.

– Я тебя не боюсь, – пытается отвести взгляд, махая головой. Ее волнистые, черные волосы соприкасаются с лицом.

Она пахнет свежестью, яростью, злостью, моим шампунем и невероятным сексом, флюидов, от которых искрит в данный момент.

Я приближаюсь еще ближе, чтобы убедиться, что ошибся, и Вита дергает плечом, больно задевая подбородок.

– Не зли зверя, когда шея оголена, девочка, – произношу хрипловатым голосом.

– Что ты сделал с моим отцом? – пытается вырваться моя добыча, отталкивая. Такая хрупкая, меня даже забавляет ее игра, в которую она постоянно играет.

Думает, что она сильнее. Пусть так и думает.

Интересная и увлекательная игра намечается.

Пока не наиграюсь, пусть воображает, что ей угодно.

Так даже веселее.

– Я бы на твоём месте перестал о нём думать, – уже немного спокоен, зная, где валяется его тело.

– Он мой отец. Я не могу перестать о нём думать, – сопротивляется и кричит, доказывая мне какую-то правоту.

Отец? Интересный факт. Лазо хоть и седой, но был сероглазым блондином в молодости, да и жена у него сероглазая и светлокочая и сестра Виты похожа на этого утырка чертами лица, но когда выбежала в тот роковой день, метаящая молнии свои из глаз, темноволосая голубоглазая фурия, сразу, с порога показывающая свой характер, я все понял.

– Малышка ещё не знает, – беру её мягкую прядь волос, к которой я так люблю прикасаться.

– О чём? – вырывает конский хвост и прячет за свитер. Мой свитер на ней. Только сейчас оцениваю её наряд.

Хочу в голос от этого вида. Виолетта в моих трико, футболке и свитере, и в одном тапке домашнем.

– Неважно. Просто забудь о нём. Ты когда вспоминаешь о своём папочке, придушить тебя хочу сразу же.

– Он мой отец, – не сдаётся, повторяя снова эту фразу. Мне просто крышу срывает от одного упоминания о Лазо, а она словно издеваясь, бьёт по больному месту, на нервы и мозг одновременно.

– Послушай меня, – хватаю её за предплечье. – Твой отец убил мою жену. Ты сама все слышала, а сейчас моя сестра в реанимации, и молись, чтобы ей не стало хуже.

– Это я её спасла, – горделиво отвечает, вздергивая подбородок вверх в знак своего воображаемого превосходства.

– Спасибо, и тебе это тоже спасло жизнь. Не забывай.

– И что со мной будет дальше? – прикусывает нижнюю губу, чем вводит меня в замешательство окончательно.

– У тебя прекрасные апартаменты в моём подвале.

– Я не хочу в п-подвал, – заикаясь, шепчет, понизив голос до шепота. – Только попробуй снова меня бросить в подвал! Там сыро и холодно. Это издевательство, держать там живого человека. Ты ещё на цепь меня посади.

– Какая гениальная идея, жаль не в моей голове родилась. Итак, на будущее, в подвалах ещё и крысы бегают, – нависаю над ней. Уже раздражают угрозы с её стороны. Если раньше она думала, что отец спасет, то теперь и эта надежда рухнула.

– У меня есть жених! – шепчет очередную ложь, но я понимаю, что так она пытается выстроить защиту.

– Это у твоей сестры есть жених. Как ее там, малышка Николь, кажется, так твой отец ласково ее называл. Про тебя я вообще не слышал ничего. Не находишь это странным, выделять так одну дочь и испытывать ненависть к другой. О тебе никто не знает в кругах высшего общества, и я не думаю, что это называется заботой, – толкаю ее в машину и сам, собственноручно пристегиваю ее нежное, хрупкое тело.

Есть в ней что-то...

Девчонка не перестает тяжело дышать и в момент, когда я наклоняюсь, слышу сердцебиение и вижу, как ее грудь вздымается на уровне моих глаз. Жаль, что нет декольте, но и так чертовски сексуален вид ее тела.

– Не трогай меня. Что ты хочешь сделать? – сопротивляется, когда я хватаю ремень.

– Душить не буду. Пристегну. Если попытаешься снова сбежать, веревку достану, – нервно выдергиваю ремень безопасности, пока та вжалась в кресло, отвернувшись от моего лица.

Закрываю дверцу и пару раз тяжело вздохнув и приготовившись к новой словесной войне, сел за руль.

– Ты не сказал, где мой отец и что с ним. Я не отстану, – сложив руки под грудью, Вита отворачивается и пристально начинает разглядывать местность.

– У тебя нет жениха. Старик не собирался его искать, – перевожу тему, которая веселит меня куда больше.

– С чего ты взял?

– Сколько тебе? Ты уже стара для показов. А твоей сестренке лет четырнадцать примерно, и он уже пообещал дочку сыну компаньона, чтобы укрепить свои финансовые счета. А знаешь почему? – на ее глазах наворачиваются слезы от моих слов.

Правда всегда такая ядовитая и гнилая. Она никому не нравится, на то и правда. Куда более приятнее слушать ложь и думать, что, например, отец очень тщательно выбирает женихов для самой любимой и неповторимой. Ну либо, не родился еще тот самый, достойный. Нет. Это все ложь, и Вита знает об этом.

Так получается, что есть мир, где девушки встречаются с парнями, влюбляются, выходят за них и строят счастливую семью. А есть такие, где на первом месте большие деньги и каждый хочет взобраться еще выше, поэтому малышка Николь выйдет замуж в восемнадцать за недалёковидного жениха, который ничего не решает. Она еще не знает, что ее ждет...

Но Виту и этого «счастья» обделили.

– Вижу, что хочешь знать, – прикуриваю левой рукой сигарету и выдыхаю дым в окно. Девчонка начинает кашлять и только сейчас вспоминаю про ингалятор. Молча выкидываю окурки и открываю все окна настежь, проветриваю. – Прости, забыл.

Жду, пока придет в себя и сможет воспринимать информацию. Не хочу, чтобы она задохнулась прямо сейчас.

– Почему? – прокашлявшись смотрит на меня.

– Потому что ты не родная дочь. Это видно невооруженным взглядом, и старик знал маленькую тайну твоей матери, поэтому и не замечал тебя все эти годы. Я ведь прав? Ты тень его особняка, с которой ему просто пришлось мириться, чтобы сохранить семью.

– Ты мерзкое животное, – набрасывается на меня малышка, царапая лицо. Я теряю контроль при движении, и машина падает в кювет.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.